

Русская национальная идея в глобализирующемся мире: перспективы эволюции

© К.С. Лебедев, В.А. Нехамкин

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Проведен анализ эволюции русской национальной идеи. Констатируется, что, построив великое государство и культуру, русский человек так до конца и не смог дать себе ответ на вопрос об однозначной принадлежности своей страны к западной или восточной цивилизации. Отсюда авторы выделяют специфические черты отечественного менталитета, выраженные в двух противоположных особенностях: «пути гениальности» и «пути помешательства». Сопоставляются характеристики глобалистского менталитета с особенностями русской национальной идеи в ее обеих ипостасях. Делается вывод, что России придется выражать свою национальную идентичность в условиях взаимодействия с западным проектом глобализации, либо становясь его составной частью, либо формируя собственную, альтернативную господствующей системе мировоззрения.

Ключевые слова: глобализация, глобальный мир, особый путь, дихотомия, свобода, русская цивилизация, русская национальная идея, философия.

Глобализация — процесс одновременно молодой (ибо активно начался в XX в., когда появился и сам термин) и старый (поскольку тенденции слияния ряда стран в транснациональные структуры, порожденные преимущественно различными войнами, наблюдались еще с античности). В последнем случае можно говорить о Римской империи, «глобалистских империях» Александра Македонского, Карла Великого, имперских проектах Пруссии — Германии (1870–1945 гг.), Франции, России — СССР. Указанные державы присоединяли к себе значительные территории, силой «оберегали» их от конкурентов, устанавливали универсальные «правила игры» в экономике, политике, культуре. Хотя в итоге любая подобная попытка «глобализации» завершалась неудачей. Империя подчиняла себе такое количество территорий, которое не могла полностью унифицировать, а в силу этого распадалась. В XX в. дважды (в лице Российской империи и СССР) не избежала такой участи и Россия. В целом до середины XX в. проекты построения единообразного мира базировались преимущественно на «праве сильного», а потому терпели крах.

Со второй половины XX в. картина кардинально изменяется. Одна из держав-победительниц во Второй мировой войне — США — начинает выстраивать в соответствии со своими интересами новый вариант глобального мира, где интеграция базируется преимуще-

ственно на экономическом расчете, а война становится лишь достаточно редким средством решения задачи (использующимся на периферии «западной цивилизации»). В итоге столпами глобализации становятся рыночная экономика как средство ведения хозяйства, либерализм в идеологической сфере, демократия — в политической. На их основе Западом формируются для остальных участников «мирового сообщества» универсальные правила поведения (подобные Вашингтонскому консенсусу), транснациональные управленческие структуры (ООН, МВФ, МБРР и др.) [1, 2]. У этого процесса после краха СССР, как казалось, не осталось никаких «жизнеспособных» альтернатив (о чем поспешили заявить Ф. Фукуяма и другие мыслители) [3, с. 290; 4].

Однако на самом деле альтернативы глобализации западного типа все равно существуют. Их можно условно разделить на три группы. Во-первых, религиозный фундаментализм. Как правило, он ассоциируется с радикальным исламом, которому Запад приписывает ответственность за террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г., направленные против символов глобализации — ВТЦ (экономического) и Пентагона (военного). Религиозный фундаментализм, как ни странно, тоже носит характер транснационального явления. (Например, в организации У. бен Ладена «Аль-Каида» с Западом борются представители различных народов. Еще более интернациональна захватившая в 2014–2015 гг. значительные территории в Ираке, Сирии и запрещенная в РФ группировка «Исламское государство» (ИГИЛ), активно вербуемая сторонников из России, стран ЕС — Великобритании, Франции и др.) Поэтому сегодня особенно неубедительно звучит прогноз Ф. Фукуямы, сделанный в работе «Конец истории?» (1989): «Теократическое государство в качестве политической альтернативы либерализму и коммунизму предлагается сегодня только исламом. Однако эта доктрина *малопривлекательна* (курсив наш — К. Л., В. Н.) для немусульман, и трудно представить, чтобы это движение получило какое-либо распространение» [3, с. 305]. Факты (особенно поддержка ИГИЛ на Востоке и в европейских странах, в том числе серия терактов в ответ на карикатуры на пророка Мухаммеда во французском журнале «Шарли Эбдо» в январе 2015 г.) говорят об обратном. Вместе с тем радикальный ислам хотя и предлагает некую идеологическую альтернативу глобализации, но не имеет отношения к какому-то конкретному народу. Это тоже интернациональное явление, как и сама глобализация.

Во-вторых, альтернатива глобализации — пестрое (и опять-таки транснациональное) движение антиглобалистов. Последние неоднородны. Противники глобализации делятся на антиглобалистов (полностью отрицающих ее достижения, видящих в происходящем жела-

ние Запада привести нынешний мир к «стандарту стерильного единообразия» [5, с. 39], а потому настаивающих на противостоянии происходящему) и альтерглобалистов (полагающих, что у глобализации следует поменять лишь «прозападный» вектор на универсальный, учитывающий интересы всех народов, а в целом данный процесс интеграции мирового сообщества в единое экономическое, политическое, культурное целое носит позитивный характер). Помимо антиглобалистов-теоретиков существуют и активные «практики», проводящие шумные акции по противодействию глобализации. Здесь следует отметить «атаки» демонстрантами мест проведения встреч лидеров G8, распространенных в мире ресторанов быстрого питания «Макдоналдс» (как символа глобализации), попытки вывести какую-либо территорию из пространства глобализации (акция субкоманданте Маркоса по выходу из НАФТА контролируемого его повстанческими силами района в штате Чьяпас в Мексике в 1994 г.). Однако антиглобалисты, подобно религиозным фундаменталистам, тоже интернациональны, крайне дифференцированы по занимаемым ими теоретическим платформам, деструктивны в плане социального действия или пассивны (альтерглобалисты, как правило, не имеют политической власти). У радикальных антиглобалистов есть и успехи: приход к власти левых сил в Южной Америке (Венесуэла, Эквадор), сопротивляющихся экспансионизму США и навязываемой транснациональными компаниями (ТНК) экономической «интеграции» в регионе. Впрочем, локальные достижения не отменяют факта слабости «антиглобалистской альтернативы» глобализации в теоретическом и ином планах. Ж. Бодрийар замечает: «Что может помешать глобальной системе? Конечно, не антиглобалистское движение» [6, с. 21].

В-третьих, глобализации противостоят и отдельные страны, включая Россию. На поверхность данный процесс вышел сравнительно недавно — в 2014 г., после добровольного присоединения к РФ Крымского полуострова и возникшей затем гражданской войны на Украине. На самом деле противоречия по линии «лидеры глобализации — Россия» накапливались как минимум с 2000-х годов. Это происходило в силу ряда причин. Укажем их.

1. Россия даже после распада СССР сохраняет «остов» былой империи, что рождает в уме многих западных политиков (З. Бжезинский, Р. Маккейн и др.) призрак реинкарнации прежней мощи.

2. РФ в ряде аспектов экономически независима от Запада, проводящего глобализацию преимущественно в собственных интересах, что снижает возможность ее «использования» в чужих целях, геополитических комбинациях. (В отличие от Российской империи начала XX в., которую Франция и Великобритания «заставили» вступить в Первую мировую войну неподготовленной, ибо давали ей значительные субсидии, займы.)

3. Лидеры глобального мира не хотят видеть в РФ (несмотря на то, что она стала «демократической» и тем отлична от «тоталитарного» СССР) равного участника международных отношений, «партнера». Еще в 1998 г. Бжезинский заявлял: «Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы и хотела» [7, с. 123]. А идеальным устройством нашей страны «ученый» видел ее разделение на три части «для удобства управления» обширными территориями [7, с. 239–240].

Конечно, об опасности рассмотрения России как потенциального врага стран — лидеров глобализации, уважении ее интересов (прежде всего — геополитических) наиболее проницательные западные ученые и политики предупреждали еще до 2014 г. Так, Г. Киссинджер (и не только он) в 2001 г. писал: «С позиций своего исторического опыта, Россия просто обязана проявлять особый интерес к безопасности на ее обширной территории, и... Западу надлежит быть очень осторожным, чтобы не приближать границы своего объединенного военного блока вплотную к России» [8, с. 70–71]. Запад же, увы, не прислушался к подобным аргументам, когда разрешил своим сторонникам захватить власть в Киеве в феврале 2014 г.

Однако, может быть, сторонники Западного варианта глобализации правы, и Россия вскоре создаст империю, способную бросить вызов данному процессу? Здесь тоже приходится дать отрицательный ответ. Например, С.Б. Переслегин в 2005 г. выделял следующие условия возникновения «Новой Российской империи»: 1) «создана... международная обстановка, при которой ресурсы США и стран Европейского союза ни при каких условиях не могут быть обращены против России»; 2) «российская экономика растет настолько быстро и устойчиво, что прибыли от включения в его состав новых территорий заведомо превосходят издержки на освоение этих земель»; 3) «существует осмысленное и содержательное целеполагание такой империи». И констатировал, что на сегодня «ни одно из этих условий не выполнено» [9, с. 190]. Прошло почти десять лет. В марте 2014 г. в состав России вошел Крымский полуостров. И что дальше? «Ресурсы США и стран Европейского союза» оказались активно «обращены против России» в форме санкций, с одной стороны, и в виде стимулирования создания на Украине антироссийских настроений — с другой. Затраты федерального бюджета на интеграцию Крыма (с 2 млн населения) постоянно растут, а прибыль от них еще только предстоит получить в обозримом будущем. Наконец, «проект Русского мира», «Новороссии», приветствуемый руководством РФ весной 2014 г., постепенно (под влиянием первых двух условий) отодвинут в тень на неопределенный срок. Открыто поддержать начавшееся в Донбассе летом 2014 г. восстание против украинской власти введением Рос-

сийской армии правительство РФ тоже не решилось. Так что налицо проблемы и с третьим условием — «осмысленным и содержательным целеполаганием», т. е. стратегией и тактикой создания такой «новой Империи» [10]. Российская элита реагирует на угрозы национальной безопасности ситуативно, долгосрочной «имперской» стратегии в ее действиях пока не просматривается.

В «сухом остатке» на данный момент имеем следующее. Россия пока не стала (ни экономически, ни территориально, ни политически, ни идеологически) империей, подобной Российской начала XX в. и уж тем более СССР. Однако РФ находится в состоянии противостояния с лидерами глобального мира (прежде всего США), которое продолжается в разных плоскостях, аспектах (от экономических санкций до гражданской войны на Донбассе) более полутора лет. Во многом итог конфликта будет предрешен тем, сможет ли Россия представить собственную национальную идею, не сводимую к либерализму, с одной стороны, и анти-/альтерглобализму и исламскому фундаментализму — с другой, но берущую позитивные черты имеющихся доктрин [11]. Проблему можно поставить и иначе: надо ли РФ полностью копировать западный либерализм как единственно «правильную» идеологию развития, вливаться в нее, или строить «свою» систему мировоззрения, отличную от западной, или ввести в нынешнюю прозападную идеологию глобализации (если признать, что она все-таки является неизбежным для человечества процессом, его «столбовой дорогой») какую-то новую «струи», сделавшую ее приемлемой для незападных народов? Варианты решения подобной задачи, базирующиеся, в том числе, на методологии контрфактического исторического анализа [12, 13], авторы (хотя и расходящиеся в конечных выводах) будут искать в работе.

Национальная идея в России рождалась долго и сложно. Существовала попытка (идущая от монаха Филофея, вторая половина XV в.) рассматривать страну как «Третий Рим», наследника Византии (и Древнего Рима), но защитника славянских народов и «истинной» (в сравнении с католицизмом) православной веры. Достижение цели заключалось в силовом изгнании из Стамбула (бывшего Константинополя) османов, создании федерации славянских народов с Россией во главе. Однако после реформ Петра I начала XVIII в., приобщивших Россию к Европе, Россия стала «блекнуть» (ибо политическая элита страны стала рассматривать ее еще и прозападной державой [11]). Да и «освобожденные» народы (подобно болгарам в 1877–1878 гг.) не спешили объединяться с Россией, а то и переходили в стан ее врагов.

Подобные нестыковки теории и «геополитической практики» привели к некоторым переоценкам ситуации. Потребовалось понять роль России по оси «Запад (Европа) — Восток (Азия)». В итоге в XIX–XX вв. сформировались следующие позиции: 1) Россия — часть

Запада, которая ничего не дала последнему в духовном плане (западники, прежде всего П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, Н.П. Огарев и др.) и должна копировать его путь как наиболее передовой; 2) Россия — противоположность Западу, элемент восточной цивилизации (правда, опирающийся на православие, а не ислам), территория славянского мира, народ которой должен провести освобождение славян (славянофилы — К.С. и А.С. Аксаковы, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский и др.)¹; 3) Россия — не Европа и не Азия (Восток), а особый континент — Евразия (евразийцы — П.П. Трубецкой, Г.В. Вернадский, Н.Н. Савицкий и др.), духовной основой которого опять-таки выступает православие, а целью — создание комфортных условий для жизни любого проживающего на данном пространстве народа.

Как видим, мыслители XIX–XX вв. совершили полный путь триады Г.В. Гегеля (тезис — антитезис — синтез), а проблему не решили. Зато выявили одну важную деталь: Россия в чистом виде не является ни Востоком, ни Западом, а жертвовать населением страны ради спасения «родственных по вере народов» опасно (по причине частой «неблагодарности» спасенных). Даже ярый славянофил Н.Я. Данилевский написал в 1885 г., через семь лет после освобождения Болгарии от власти османов, работу с красноречивым названием «Горе победителям», т. е. России. Однако «урок» не пошел впрок, и захват Стамбула являлся целью для русских войск и в 1915–1916 гг., став еще одной (кроме «подножек» союзников по Антанте и собственной экономической слабости, неготовности к длительному вооруженному конфликту) важной причиной поражения в Первой мировой войне и распада империи.

С 1917 г. пришедшие к власти в России большевики сделали национальной идеей новой страны — СССР — освобождение уже не братьев по «вере и крови» (православных славян), а более обширной группы — пролетариев, трудящихся всего мира. Место локальной славянской империи во главе с Россией должна была занять «земшарная республика Советов», базирующаяся не на православии, а на атеистическом учении — марксизме-ленинизме. Что произошло в итоге? С одной стороны, крупный геополитический успех. Благодаря доставшейся высокой ценой (около 27 млн погибших, по современным подсчетам) победе во Второй мировой войне и новой идеологии СССР получил под контроль (хотя и без формального присоединения территории) ряд государств Восточной Европы (остальные «достались» США и их союзникам по НАТО). Россия в лице СССР создала своеобразную европейскую конфедерацию в лице Организации Вар-

¹Правда, здесь актуальным оставался вопрос В.С. Соловьева, обращенный к России: «Каким ты хочешь быть Востоком — Востоком Ксеркса или Христа»? То есть деспотическим государством или имеющим демократические, гуманистические основы политической системы.

шавского договора (ОВД). Новая империя (так себя официально не называвшая) обрела (на базе поддержки марксизма-ленинизма, борьбы с колониализмом Запада) союзников среди народов Юго-Восточной Азии, Африки, на Американском континенте (с 1959 г. по сей день «строит социализм» Куба). Конечной целью СССР (так и не достигнутой на практике) провозглашалось построение коммунизма во всем мире.

С другой стороны, на поддержание жизнеспособности данной идеи в пропагандистском и силовом аспектах тратились громадные средства. Жизненный уровень населения СССР катастрофически падал в сравнении с Западом. В итоге без силового вооруженного давления из-за рубежа СССР распался в 1991 г. вместе с ОВД. Сторонники марксизма-ленинизма как идеи сохраняются в России до сих пор, немало партий исповедуют и левые идеи. («Боливарианский социализм» как альтернативу глобализации и либерализму поднимают на щит в Венесуэле и Эквадоре.) Однако снова сделать коммунистическую идеологию (учитывая 70 лет ее негативного практического воплощения) национальной идеей России вряд ли удастся.

Перманентный кризис предыдущих вариантов национальной идеи остро ставит вопрос об особенностях отечественного менталитета. Не пытаясь исчерпать тему собственными соображениями, авторы выдвигают гипотезу о существовании в нем двух противоположно направленных векторов, которые могут быть условно названы «*путь гениальности*» и «*путь помешательства*». Первый аккумулирует позитивные качества отечественного национального характера, второй — негативные. Разумеется, они выделяются в чистом виде как специфические «идеальные типы», не исчерпывающие более разнообразной социальной практики, подлежащие дальнейшему научному изучению с позиции всего спектра имеющихся теоретических конструкций (например, концепций философии науки, информационного общества [14, 15]), картин мира (мифологической, религиозной) [16].

«Путь гениальности» — совокупность черт населения России, демонстрирующих ее позитивную «особость» в мире. Первая особенность этого пути — высокая степень адаптации к трудностям природно-социального характера. Россия всегда славилась своей протяженностью с севера на юг и с запада на восток. Это обстоятельство порождало две ситуации. С одной стороны, в России существуют все климатические пояса: от арктического до субтропического (в районе нынешнего Сочи). Поэтому людям приходилось веками приспособливаться к тяжелейшим условиям проживания, вести хозяйство (включая сельское) в непригодных для этого районах с непродолжительными летними сезонами, ранними заморозками и иными неблагоприятными факторами. С другой стороны, на подобную

«обширную» территорию всегда «имели виды» соседние государства, кочевые народы и т. д. Населению России приходилось столетиями жить в условиях угрозы иностранных вторжений. Более того, даже присоединение новых территорий часто диктовалось необходимостью предотвращать вражеские нашествия (так, в XVIII в. был «приобретен» Крым, откуда местные татары совершали уже почти три столетия набеги на Московское царство, а потом — Российскую империю).

Адаптация к неблагоприятным природно-социальным факторам, вызванным обширной протяженностью страны, породила у населения России особый тип мировосприятия. В него входят такие качества, как готовность к многочисленным невзгодам, войнам, ограничениям. Люди (в большинстве своем) готовы терпеть различные лишения (включая жизнь в оккупации) ради долгосрочной победы, сохранения собственного национального государства. Сюда можно отнести и неприхотливость в быту (по принципу «довольствуйся малым»), способность к самопожертвованию, желание прийти на помощь ближнему в трудную для него минуту, необъятная доброта подчас даже к врагу (показанная Л.Н. Толстым в образе Платона Каратаева из романа «Война и мир»), стремление видеть в нем (вне поля боя) прежде всего человека. Указанные качества помогли населению СССР (как правопреемнику России) не только выстоять в ходе Великой Отечественной войны, но и освободить в кровопролитной борьбе народы Европы от власти нацизма.

Второе свойство «пути гениальности» — особая духовность населения России, базирующаяся на православии. После принятия Русью христианства из Византии новая церковь сделала немало для развития народной культуры. Прежде всего она избавила людей от ранее имевших место языческих обрядов, которые порой предполагали человеческие жертвоприношения и иные антигуманные акты. Кроме того, церковь в период распада Киевской Руси XIII в. и Московского царства начала XVII в. послужила мощным духовным фактором последующего объединения страны. Именно к подвижнику Сергию Радонежскому пришел получить благословение на Куликовскую битву с монголами князь Дмитрий Донской в 1380 г. Патриарх Гермоген призывал россиян бороться с поляками и шведами в 1610-е годы, когда государство находилось в состоянии полураспада. (Хотя и Российское государство в ответ на чрезмерную самостоятельность церкви стремилось подчинить ее своей власти, что вызывало между данными институтами перманентную борьбу [17].)

Наконец, православие выступало наиболее ортодоксальным течением христианства. Перемены даже в обрядовой стороне вели к крупным потрясениям (как показал раскол церкви середины XVII в.,

вызванный реформами патриарха Никона). Это породило особый тип духовности, предполагавший (в идеале) полное отречение от земных благ, невозможность личного спасения за какие-либо «земные услуги» (индульгенции — в католицизме, «упорный труд» на Земле — в протестантизме), «обостренное» чувство справедливости как на бытовом (личном), так и на мировом, вселенском уровнях [18]. В итоге следование «своей» вере, нежелание духовных перемен, исходящих от аморального, «загнивающего», «греховного» Запада — тоже характерные черты «пути гениальности». Русский человек от рождения входит в своеобразный «храм духовности», которая распространена, «разлита» вокруг человека, что не может не сказаться на его поступках [19, с. 369–373].

«Путь помешательства» — сложен, противоречив. Во многом он выступает духовной ориентацией, противоположной «пути гениальности», доводящей до крайних пределов его положительные характеристики, уводит страну, народ с пути прогрессивного общественного развития [20]. Рассмотреть подобную тенденцию и порождаемые ею качества в рамках одной работы невозможно. Отсюда сосредоточимся на наиболее важных аспектах.

Смирение народа перед жизненными обстоятельствами, стремление к их безропотному преодолению помогает побеждать любых агрессоров. Однако часто данное качество становится питательной средой, на которой произрастает культ государства, а вскоре — культ личности правителя. Поэтому победа, например, в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. столь неоднозначно связывается в памяти людей с именем И.В. Сталина.

Страх народа перед государственной машиной, неумение чиновников искать общий язык с населением, надежда властителей на то, что народ России, по выражению поэта Н.А. Некрасова, всегда «вынесет все и широкою, ясную грудью дорогу проложит себе», оборачивается, как показала история, социальными катаклизмами: восстанием «низов» (обреченным на поражение, ибо повстанцы ищут себе «справедливую», «добрую власть») или «русским бунтом бессмысленным и беспощадным» (как назвал А.С. Пушкин выступление крестьян под руководством Е.И. Пугачева 1773–1775 гг.). Беда — в крайней разрушительности данной ментальной установки, стремлении подчас полностью уничтожить государство, кажущееся несправедливым, и даже принять на этом пути помощь врага (вспомним хотя бы коллаборационистов в СССР 1941–1942 гг.). Так что страх перед государством оборачивается ненавистью к нему, стремлением жить по правилу «анархия — мать порядка» или сугубо «своим» миром.

Государственная власть действительно одерживает победы над внешним захватчиком. Судьбы армий Карла XII, Наполеона, А. Гитлера, казалось бы, подтверждают эту истину. Однако цена такого успеха всегда остается крайне высокой. Часто он достигается по причине количественного превосходства над врагом, а не умения грамотно воевать, которое приходит потом, после огромных потерь. В истории последних двух столетий сложно назвать войну, к которой Россия оказалась бы полностью готова. Народ же прощает политикам ошибки, даже порой преступления, не стремится сменить себе элиту, несмотря на жизненные невзгоды. Да, власть иногда благодарит народ за «долготерпение» к ее ошибкам. Как сказал И.В. Сталин на приеме в Кремле в честь высшего командного состава РККА 24 мая 1945 г.: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала... Какой-нибудь другой народ мог сказать: ...мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой... Но русский народ на это не пошел, ...он оказал безграничное доверие нашему правительству... Русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся».

Высокая цена успеха государства часто определяется народным прощением элиты за ее некомпетентные действия. Эта черта менталитета россиян не может быть признана полностью положительной.

Поиски идеала в России тоже нередко оборачиваются своими противоположностями. Одни «подвижники» ставят вопрос: как можно понять норму, не выйдя за ее пределы, не совершив греха? И идут до конца по данному пути, «скатываясь» до состояния полного аморализма. (Классический пример — судьба сибирского старца, религиозного подвижника и одновременно авантюриста Г.Е. Распутина в начале XX в.) Другие — впадают в оккультизм, язычество, стараются вместо воспитания духа истязать тело, «плоть» (т. н. «скопцы», многочисленные сектанты и др.). Третьи (особенно чиновники) — стремятся прививать «добро», «идеал» (как они его понимают) через силу, принуждение, что порождает протест простых граждан.

Высокая культура подчас — дело избранных представителей элиты. Большинство же населения не соблюдает базовых нравственных норм в бытовой жизни. Высокая вера (соединяясь с анархистским началом) порождает еретизм, стремление уйти от официальных религиозных канонов (хоть в дальний скит, хоть в грех).

Указанные черты «пути помешательства» существуют не только по отдельности. В реальности они действуют комплексно. Эта ситуация порождает у части представителей отечественной творческой элиты мнение об аномальности России как «зоны» проживания

«нормального» (ориентирующегося на западные стандарты морали и потребления) человека и «чемоданное настроение», т. е. желание уехать из «этой страны». Как пример концентрации подобных мыслей приведем высказывание музыканта Е. Летова: «Чем дальше живу, тем больше убеждаюсь, что в нашей стране ничего не меняется и никогда не изменится. ...В нашей стране единственно возможное состояние — это чемоданное. Здесь нельзя жить. Здесь можно только воевать, болеть, выживать, куда-то пробиваться с боями и потерями. Здесь нет завтрашнего дня. В любой момент тебя могут избить, ограбить... Издать какой-нибудь новый закон — и лишит тебя всего. В любой момент могут посадить, да и вообще убить без суда и следствия. Отсюда в умах постоянно рождаются всевозможные замыслы глобального переустройства вселенной, диковинные сектантства, апологии самоубийства и тому подобное. *Все мысли направлены не на то, чтобы спокойно жить* (курсив наш. — К. Л., В. Н.) и что-то планомерно делать, а чтобы как-нибудь лихо отсюда уехать... Наша страна — это беспощадный злоеущий полигон. Раз уж здесь очутился, изволь принимать правила игры... Если не сломаешься — ты герой на все времена, а если не вышло — то тебя и нет и не было никогда» [21].

Короче говоря, Россия до такой степени не понятна нормальной западной ментальности, жизнь здесь требует такого самопожертвования, что для желающих не следовать «пути помешательства» есть единственный вариант — переезд на предсказуемый Запад, где можно «спокойно жить». Однако показательно, что автор подобного высказывания не воспользовался своим «советом», а умер в России в 2008 г., когда «железного занавеса» не было, а отъезду никто не препятствовал. И если Летов остался в «этой стране», имеющей многие недостатки, значит, какая-то особенность менталитета ее населения делала данное государство для него комфортным. Значит, «путь помешательства», проявления которого видит часть нашей интеллигенции, не является единственным.

В заключение поставим вопрос: может ли русская национальная идея быть встроена в глобализационный проект? Поскольку одним из авторов работы ранее выделены специфические качества глобалистского менталитета как системы мировоззрения, проявляющейся на уровне индивидуального и массового сознания [22, с. 154–155], имеет смысл зафиксировать их в таблице. Затем сопоставить с типичными установками отечественного менталитета, чтобы сделать выводы о совместимости национальной идеи и глобализации хотя бы в плане ее духовного принятия/отвержения населением.

Установки глобалистского менталитета

Уровень индивидуального сознания	Уровень массового сознания
Чувство глобальности (установка «я — часть человечества»)	Я — часть западного мира (цивилизации), ядра глобализации
Нетерпимость к насилию	<ul style="list-style-type: none"> • Неприемлемо насилие (исходящее из ядра глобализации или извне), направленное на разрушение глобального мира, внесение в него элементов деструкции (от терактов до акций антиглобалистов); • оправдано насилие, ставящее целью защиту ядра глобализации (носителя «демократических ценностей») от любых внешних и внутренних угроз
Любовь к справедливости	<ul style="list-style-type: none"> • Прагматическая трактовка справедливости («что позитивно для ядра глобализации, хорошо для остального мира»); • справедливы действия, ведущие к продолжению глобализации, защите ее ядра, доминирующих здесь ценностей
Бережное отношение к природе	<ul style="list-style-type: none"> • Защита среды обитания приемлема для ядра глобализации, хотя формально декларируется как общая цель; • помощь иным странам в бережном отношении к природе реализуется, когда это затрагивает интересы ядра глобализации
Нормы разумного (умеренное потребление материальных благ)	<ul style="list-style-type: none"> • Ценность «умеренного потребления» ретранслируется за пределы «ядра глобализации» (или используется в целях улучшения здоровья обитателей глобального мира); • реально существование ядра глобализации и входящих в него стран подчинено <i>увеличению</i> потребления материальных благ; • нормы разумного потребления переносятся на другие страны; неограниченного — на обитателей ядра глобального мира
Мультилингвизм (употребление нескольких языков)	<ul style="list-style-type: none"> • Декларация формального языкового разнообразия в глобальном мире; • английский язык становится главным средством общения в глобальном мире

Из установок глобалистского менталитета наиболее приемлемыми для населения РФ выступают следующие: нетерпимость к насилию, любовь к справедливости, бережное отношение к природе, нормы разумного. Они вытекают из таких характеристик пути гениальности, как особая духовность, неприхотливость в быту, готовность к личному самоограничению. Вместе с тем, если на Западе указанные параметры распространяют только на себя как некую «избранную группу», то российский менталитет на уровне массового сознания потребует соблюдения равных «правил игры» для любых участников глобального мира, что уже сейчас ведет к конфликтам. «Иной», элитарной

глобализации Россия не примет. «Чувство глобальности» (человечество и его интересы выше моей нации) как противоречащее культуре «своего» государства может быть доведено до крайности в реализации отдельными представителями интеллигенции, даже политической элиты, но никогда не будет принято массовым сознанием россиян в целом. Желание защитить именно Отечество в случае вооруженной агрессии против него выступает актуальным и для большинства нынешних молодых россиян [23]. Это положение относится и к мультилингвизму. Родной русский язык (несмотря на увеличивающееся распространение на планете английского как средства межнационального общения) останется (опять же из-за особой духовности) для россиян приоритетным. В целом же население РФ, идущее по путям как «гениальности», так и «помешательства», не готово даже на ментальном уровне (как индивидуального, так и массового сознания) принять глобализацию в ее западном варианте. Будут ли изменения в этой позиции, покажет время.

В конечных выводах авторы расходятся. К.С. Лебедев считает, что самая страшная и деструктивная русская черта — уверенность в особом пути страны. Она вырастает из лености созидать что-либо по сложившимся в остальном мире критериям и судить себя самостоятельно [24, с. 94–96]. Особенно сильно данная особенность русского характера наносит урон вхождению России в единый мир будущего. У каждой нации есть свой путь, но он не может быть отделен от общемирового движения. Мир знает «ошибку веры» Германии в ее «особый путь», предложенный нацистской идеологией, которая привела в 1939–1945 гг. к самой страшной, кровопролитной войне в истории человечества. России нельзя делать то же самое.

В.А. Нехамкин полагает, что в нынешнем виде идеология глобализирующегося мира не готова принять русскую национальную идею в силу ряда причин: 1) она насыщена сформулированными либерализмом догмами; 2) считает свою мощь вечной; 3) утратила (вероятно, не навсегда) способность *гармонично* включать в себя «чужие» (альтернативные) проекты. Возможно, утрата Западом экономического, политического, военного доминирования в недалеком будущем, предсказанная даже Бжезинским [7], сделает глобализацию более толерантным (к иным мнениям, ценностным системам) процессом.

Однако, несмотря на разногласия, авторов объединяет общее мнение о том, что России, независимо от желания ее народа и элиты, придется взаимодействовать с глобальным миром. Для этого надо обсуждать различные аспекты подобного процесса, включая идеологические. Возможно, когда-нибудь Европа будет простираться без границ на пространстве от «Атлантики до Урала» (как мечталось Ш. де Голлю) или даже до Дальнего Востока, и русская национальная идея найдет себе место в таком глобальном мире, не жертвуя собственными позитивными качествами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алексеева И.Ю., Алексеев П.В. Какой посткапитализм нужен России? *Вопросы философии*, 2014, № 10, с. 14–25.
- [2] Гранин Ю.Д. Модернизация России: в колее «зависимого развития». *Вопросы философии*, 2014, № 4, с. 14–25.
- [3] Фукуяма Ф. Конец истории? *Философия истории. Антология*, Москва, Аспект-пресс, 1994, с. 290–310.
- [4] Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Москва, Изд-во Ермак, 2004, 588 с.
- [5] Рамоне И. *Геополитика хаоса*. Москва, Изд-во ТЕИС, 2001, 128 с.
- [6] Бодрийяр Ж. Насилие глобализации. *Логос*, 2003, № 1, с. 20–23.
- [7] Бжезинский З. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геополитические императивы*. Москва, Изд-во Международные отношения, 1998, 256 с.
- [8] Киссинджер Г. *Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века*. Москва, Изд-во Ладомир, 2002, 391 с.
- [9] Переслегин С.Б. *Самоучитель игры на мировой шахматной доске*. Москва, Изд-во АСТ; Санкт-Петербург, Terra Fantastica, 2005, 619 с.
- [10] Сендеров В.А. От «всеславянской федерации» к «Русскому миру». *Вопросы философии*, 2015, № 3, с. 137–145.
- [11] Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Москва, Изд-во АСТ, 2003, 603 с.
- [12] Нехамкин В.А. *Проблема поливариантности исторического процесса: генезис, пути решения*. Москва, Изд-во МАКС Пресс, 2002, 123 с.
- [13] Нехамкин В.А. *Контрфактические исследования в историческом познании: генезис, методология*. Москва, Изд-во МАКС Пресс, 2006, 176 с.
- [14] Малькова Т.П. Источники развития науки как социального института. *Этносоциум и межнациональная культура*, 2013, № 1 (55), с. 47–52.
- [15] Малькова Т.П. Информационное общество: тенденции развития образования. *Мир образования — образование в мире*, 2013, № 1 (49), с. 99–106.
- [16] Кавинова И.П. Картина мира: философский анализ проблемы. *Гуманитарный вестник*, 2014, № 12 (26). doi 10.18698/2306-8477-2014-12.
- [17] Нехамкин В.А. Государство и православная церковь в России: циклы взаимодействия. *European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук)*, 2014, № 8 (2), с. 579–587.
- [18] Черногорцева Г.В. Справедливость как основа социального партнерства: к истории философско-правовых идей. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия*, 2013, № 3, с. 55–63.
- [19] Бердяев Н.А. *Судьба России: Книга статей*. Москва, Изд-во Эксмо, 2008, 556 с.
- [20] Нехамкин В.А., Полякова И.П. Антипрогрессистские теории социально-исторической динамики. *Вестник Российской академии наук*, 2014, т. 84, № 7, с. 610–617.
- [21] *Егор Летов о России*. *Ex.ua*. URL: <http://www.ex.ua/22305623> (дата обращения 03.10.2015).
- [22] Нехамкин В.А. Глобалистский и антиглобалистский менталитет. *Историческая психология и социология истории*, 2013, т. 6, № 1 (11), с. 147–165.
- [23] Кавинова И.П., Кулагин А.О., Нехамкин В.А. Интерпретация Великой отечественной войны в исторической памяти современной молодежи: «уроки» для педагога. *Социология образования*, 2015, № 5, с. 4–19.
- [24] Гидденс Э. *Последствия современности*. Москва, Изд-во Праксис, 2011, 546 с.

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Лебедев К.С., Нехамкин В.А. Русская национальная идея в глобализирующемся мире: перспективы эволюции. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 12.
<http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/326.html>

Лебедев Константин Сергеевич — аспирант кафедры «Философия» МГТУ им. Н. Э. Баумана. e-mail: godymoreno@yandex.ru

Нехамкин Валерий Аркадьевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail nechamkin@rambler.ru

Russian national idea in the globalizing World: Prospects for the development

© K.S. Lebedev, V.A. Nekhamkin

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article analyses the evolution of the Russian national idea. It is acknowledged that having built a great state and culture, Russian people could not give an answer to the question about unambiguous country's affiliation to Western or Eastern civilizations. Hence, two specific characteristics of the national mentality, expressed in antipodal features are identified: the "path of genius" and "the path of insanity". Globalist mentality characteristics are matched with the peculiarities of the Russian national idea in its two guises. The conclusion is that Russia will have to express the national identity under conditions of interaction with Western project of globalization: either becoming an integral part thereof, or forming its own ideology alternative to the dominant worldview.

Keywords: globalization; global world; special way, dichotomy, freedom, Russian civilization; Russian national idea; philosophy.

REFERENCES

- [1] Alekseeva I. Yu., Alekseev P.V. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2014, no. 10, pp. 14–25.
- [2] Granin Yu.D. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2014, no. 4, pp. 14–25.
- [3] Fukuyama F. *Konec istorii? Filosofiya istorii. Antologiya* [The End of History? The Philosophy of History. Anthology]. Moscow, Aspekt-press Publ., 1994, pp. 290–310 (in Russian).
- [4] Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. Free Press, 1992. [in Russian: Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek*. Moscow, Ermak Publ., 2004, 588 p].
- [5] Ramone I. *Géopolitique du chaos*. Galilée, 1997 [in Russian: Ramone I. *Geopolitika haosa*. Moscow, TEIS Publ., 2001, 128 p.].
- [6] Bodriyar Zh. *Logos — Logos*, 2003, no. 1, pp. 20–23.
- [7] Brzezinsky Z. *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. New York: Basic books, October 1997 [in Russian: Bzhezinskiy Z. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geopoliticheskie imperativy*. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1998, 256 p.].
- [8] Kissinger H. *Does America Need a Foreign Policy?: Toward a Diplomacy for the 21st Century*. ISBN 0-684-85567-4 [in Russian: Kissindzher G. *Nuzhna li Amerike vneshnyaya politika? K diplomatii dlya XXI veka*. Moscow, Ladimir Publ., 2002, 391 p.].
- [9] Pereslegin S.B. *Samouchitel igry na mirovoy shakhmatnoy doske* [Self-Instructor for Games on the World Chessboard]. Moscow, AST Publ., St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2005, 619 p.
- [10] Senderov V.A. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2015, no. 3, pp. 137–145.
- [11] Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon & Schuster, 1996 [in Russian: Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy*. Moscow, AST Publ., 2003, 603 p.].

- [12] Nekhamkin V.A. *Problema polivariatnosti istoricheskogo processa: genesis, puti resheniya* [The Problem of the Historical Process Polyvariety: Genesis, Ways of Solving]. Moscow, MAKS Press Publ., 2002, 123 p.
- [13] Nekhamkin V.A. *Kontrfakticheskie issledovaniya v istoricheskom poznanii: genesis, metodologiya* [Counterfactual Studies in Historical Cognition: Genesis, Methodology]. Moscow, MAKS Press Publ., 2006, 176 p.
- [14] Malkova T.P. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura — Ethnosocium and Interethnic Culture*, 2013, no. 1 (55), pp. 47–52.
- [15] Malkova T.P. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire — The World of Education – Education in the World*, 2013, no. 1 (49), pp. 99–106.
- [16] Kavinova I.P. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin*, 2014, no. 12 (26). doi 10.18698/2306-8477-2014-12.
- [17] Nekhamkin V.A. *Evropeyskiy zhurnal socialnykh nauk — European Social Science Journal*, 2014, no. 8 (2), pp. 579–587.
- [18] Chernogortseva G.V. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Filosofiya — Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Philosophy*, 2013, no. 3, pp. 55–63.
- [19] Berdyaev N.A. *Sudba Rossii: Kniga statey* [The Fate of Russia: The book of Articles]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, 556 p.
- [20] Nekhamkin V.A., Polyakova I.P. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk — Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 84, no. 7, pp. 610–617.
- [21] *Egor Letov o Rossii* [Egor Letov about Russia]. Available at: <http://www.ex.ua/22305623>
- [22] Nekhamkin V.A. *Istoricheskaya psikhologiya i sociologiya istorii — Historical Psychology & Sociology*, 2013, vol. 6, no. 1 (11), pp. 147–165.
- [23] Kavinova I.P., Kulagin A.O., Nekhamkin V.A. *Sociologiya obrazovaniya — Sociology of Education*, 2015, no. 5, pp. 4–19.
- [24] Giddens A. *The Consequences of Modernity*, Stanford University Press 1991, 188 p. [in Russian: Giddens E. *Posledstviya sovremennosti*. Moscow, Praxis Publ., 2011, 546 p.

Lebedev K.S., Postgraduate student at the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: rodymoreno@yandex.ru

Nekhamkin V.A., Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail nechamkin@rambler.ru